

НЕВЕРБАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА ПЕЧАТНОГО ТЕКСТА КАК ОБЛАСТЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Работа представлена кафедрой русского языка.

В статье рассматриваются концептуальные и функциональные аспекты метаграфематики как области невербальной семиотики текста и дается обоснование характерным признакам внешней организации печатного русского текста.

Ключевые слова: *невербальная коммуникация, невербальная семиотика, паралингвистика, параграфематика, метаграфематика, текст, информация.*

N. Shubina

TEXT'S NON-VERBAL SEMIOTICS: FIELD OF LINGUISTIC KNOWLEDGE

The article is dedicated to the functional and conceptual aspects of text's non-verbal semiotics; metagraphemics' functions as a special field of text's non-verbal semiotics; peculiarities of meta-graphics organisation of Russian language text.

Key words: *non-verbal communication, non-verbal semiotics, paralinguistics, paragraphemics, metagraphemics, text, information.*

Паралингвистика как область научных знаний отражает общие тенденции, которые определяют так называемую «нормальную науку» [9]. Вместе с тем в ней четко проявляются черты, о которых в середине 1990-х гг. писала Е. С. Кубрякова: «<...> на наших глазах все же происходит становление новой, неофункциональной, или конструктивной (постгенеративной) парадигмы знаний (иногда ее называют «интерпретирующей» <...>, определяющей чертой которой оказывается удачный синтез когнитивного и коммуникативного подходов к явлениям языка. Иными словами мы имеем дело с одновременным учетом двух главных функций языковых систем» [8, с. 228].

Любопытным примером такого «удачного синтеза» является *параграфемика*, которая рассматривается в научной литературе то как раздел науки, находящийся на стыке семиотики и лингвистики, то как раздел паралингвистики [12]. В число семиотических единиц, входящих в параграфемикку, включен широкий спектр семиотических единиц (цифры, графики, символы, схемы, фотографии, рисунки, таблицы, пунктуационные знаки в узком понимании и др.), что в известной степени осложняет мотивацию выделения параграфемики как самостоятельного раздела лингвистической науки. Вероятно, этим обусловлено введение такого термина для обозначения вспомогательной функционально-адаптивной системы письменной сферы коммуникации, как *метаграфемика* [2; 15].

Обращение к исследованию метаграфемики в коммуникативно-прагматическом аспекте мотивировано и перераспределением исследовательских приоритетов в системе науки о языке, что привело к глубоким изменениям в общей структуре лингвистики. Интенсивное и весьма плодотворное концептуальное развитие *невербальной семиотики* как научной дисциплины свидетельствует не только об изменении парадигмы в лингвистике, но и об изменении коммуникативной среды и ситуации. Известно, что активное приспособление языка как адаптивной системы к условиям коммуникативной среды и ситуации, в которых он функционирует, обеспечивает его изменчивость при сохранении организованности.

По мнению Г. Гийома, «в языке бывают изменения, не оказывающие влияния на систему, безразличные для системы, и, напротив, изменения, связанные с ее перестройкой <...> невозможно точно представить изменение языковых явлений, если под явными изменениями, прежде всего обращающими на себя внимание, не различать глубокие изменения, происшедшие в состоянии языка» [4, с. 65].

Не вызывает сомнения необходимость комплексного подхода к исследованию и описанию адаптивных механизмов невербальной коммуникации, активно использующей знаки различных неязыковых семиотических систем. Вместе с тем остро ощущается нехватка методов исследования именно невербальных средств, используемых в текстах. Фиксация знаков невербальных знаковых систем при анализе единиц языка и речи сменяется их описанием и изучением специалистами не только в области семиотики и паралингвистики, но и большинства смежных с лингвистикой дисциплин. Междисциплинарный характер невербальной семиотики в целом определяет ее значимость как научной дисциплины [7].

Увеличение количества невербальных средств в печатных текстах и расширение их функций в организации информационного континуума текста обусловлено не только творческими поисками отправителя (автора) новых средств для решения коммуникативно-прагматических задач, но и внутренними эволюционными процессами, происходящими в языковой системе и речевой практике — адаптационными процессами, действующими внутри языковой системы, а также вмешательством языковой личности в ее систему с целью определенной корректировки в соответствии с изменениями условий функционирования языка.

Как справедливо отмечает Б. М. Гаспаров, привычное представление о языке «как о рационально организованном устройстве, все направляет наши попытки осмыслить и описать язык в сторону того, чтобы по возможности приблизиться к тому совершенному устройству, которое предположительно заложено в сознании каждого, кто способен “правильно” пользоваться данным языком» [3, с. 9]. Меж-

ду тем метаграфемика не поддается жесткой регламентации. В русском тексте, например, наиболее ярко проявляется стремление передать «изобразительность», «звучание», которое свойственно устной речи. «Результат сходен с тем, что наблюдается в устной речи, когда используется интонация, жестикуляция и мимика лица: пишущий создает в качестве контрапункта некое вторичное сообщение, дополняющее первичное, он может даже полностью разрушить его, добавив к графической репрезентации смысла некий добавочный графический смысл» [1, с. 86].

Письменный текст под влиянием устного становится *единицей нелинейного восприятия и понимания информации*. Печатный (а не рукописный) текст становится главным в коммуникативной деятельности не только реципиента, но и отправителя. Многие авторы текстов (в том числе и художественных) используют разного рода технические средства для создания оригинального авторского текста, что в значительной степени влияет на процесс порождения текста как на внешнем, так и на внутреннем уровнях. Изменение ценностных, когнитивных и технических факторов оказывает радикальное воздействие на языковые и ментальные процессы, а также на социальное и речевое поведение носителей языка. Анализ разнообразных метаграфических средств, используемых в письменных (печатных) текстах разной жанрово-стилистической принадлежности, свидетельствует о заметных изменениях в области передачи и организации информации.

Во-первых, увеличилась коммуникативная значимость невербальных способов кодирования информации. *Во-вторых*, расширился набор невербальных знаков и средств, используемых в текстах. *В-третьих*, расширились коммуникативно-прагматические функции невербальных средств в печатных текстах. *В-четвертых*, метаграфемика активно используется как самостоятельный канал передачи информации.

В процессе речемыслительной деятельности отправитель выбирает не только способы «транспортировки» своих мыслей, но и их «упаковки», а также средства, воздей-

ствующие на адресата. Термин «упаковка» (package), введенный У. Чейфом, кажется нам вполне уместным, если связывать это явление «со способом передачи сообщения и лишь потом с сообщением как таковым» [13, с. 279]. Метаграфическое оформление текста является одним из способов упаковки смысла, который отправитель включает в акт коммуникации.

Метаграфемика как *дополнительный семиотический код* участвует в реализации авторских задач (коммуникативно-целевая программа отправителя), задач реципиента (коммуникативно-познавательная программа реципиента), а также задач «посредника» между автором, текстом и реципиентом – интерпретатора (наблюдателя) (коммуникативно-целевая программа интерпретатора).

Использование различных семиотических систем и программ для создания, обработки текста и подготовки его к печати свидетельствует о наличии в каждом языке инструментальной системы в организации письменного (печатного) текста. Восприятие и понимание текста предполагает, с одной стороны, сохранение того, что дано в тексте, а с другой – изменение или дополнение заданной информации за счет фоновых знаний. Реципиенту необходимо декодировать не только эксплицитную, но и имплицитную информации. Но при этом реципиент воспринимает ту информацию, которая соотносится с его информативно-познавательной программой. «Феномен, который можно назвать «владением» языком, состоит в способности относительно успешно ориентироваться в напластованиях разнородных компонентов и их непрерывных пластических изменениях, в бесчисленных переплетениях аллюзионных, эмотивных, жанровых силовых линий, – ориентироваться так, чтобы создавать более или менее успешные языковые произведения, в которых и мы сами, и наш адресат (непосредственный либо подразумеваемый) могли бы распознать нечто, соответствующее той мысли, которую мы хотели сформулировать и передать: соответствующее в достаточной степени, чтобы между нами могло возникнуть ощущение языкового контакта и обмена» [3, с. 14–15].

При этом признается, что выделенные процессы имеют уникальный характер, поскольку совершаются в сознании говорящего индивидуально.

Как полагает Т. А. ван Дейк, понять текст можно лишь тогда, когда понимается сама ситуация, о которой идет речь. «Участник коммуникации должен фокусировать внимание на специфических особенностях речевой ситуации, которые могут оказаться полезными для правильного понимания не только значения/референции, но и прагматических целей/интенций» [5, с. 20].

Введение в текст невербальных средств предполагает его *гипотетическую интерпретацию*. Реципиент должен выдвинуть свою гипотезу относительно функции этих знаков и средств. Дальнейшее «продвижение» по тексту может несколько изменить (или даже опровергнуть) гипотезу. В случае неадекватного распознавания функционального назначения невербальных средств может произойти то, что можно называть *коммуникативным сбоем*. Неудача декодирования авторской интенции не всегда предопределяет неудачу коммуникативного акта. Кстати, иногда даже «правильно» построенный текст оказывается понятным разными читателями по-разному. Это происходит потому, что, попадая *из языковой среды автора в языковую среду каждого нового адресата* (Б. Гаспаров), текст меняет условия своего существования.

Вместе с тем выдвижение гипотез становится важным и в некоторой степени обязательным в активизации восприятия. Реципиент должен «распознать текст», т. е. разложить его на определенные элементы, соответствующие эталонным знакам языка. Но самым важным в деятельности реципиента является создание целостного смысла-сообщения. Реципиент вправе «навязать» свое истолкование любой метаграфеме, опираясь на известную ему семиотическую систему. Это во многом обусловлено действием так называемых параметров *читабельности текста*, понимаемой в самом общем виде как показатель успешности взаимодействия текста и получателя. Успешность в восприятии текста и понимании замысла автора зависит и от декодирования функций

используемых в печатном тексте метаграфем (в том числе супраграфических и топографических средств).

В связи с этим любопытны наблюдения, посвященные стратегии и тактике чтения. По мнению некоторых исследователей, качество смыслового восприятия при чтении зависит от уровня сформированности механизмов «зрительного синтеза»: чем ниже этот уровень, тем выше необходимость в коммуникативной установке [10, с. 205]. Различается так называемая визуальная форма чтения и «чтение про себя». Если механизмы зрительного синтеза сформированы, то восприятие и логико-смысловая обработка информации происходит одновременно в процессе чтения. Представляется очевидным, что эффект «считывания» информации во многом определяется именно «метаграфической аранжировкой» текста.

Анализ метаграфически активных текстов показал, что при редактировании их профессиональным интерпретатором (текстологом, редактором) метаграфическая организация текста может меняться. Это обусловлено, с одной стороны, необходимостью адаптации метаграфемики оригинального текста к новым условиям функционирования языка, а с другой – весьма распространенным мнением, что многие метаграфемы, используемые автором, произвольны и случайны. При этом следует признать, что интерпретация текста также сопряжена с созданием «другого» текста. «Челночный характер восприятия текста объясняется не только активностью восприятия, но и существенным расхождением своего и чужого текстов в процессе восприятия последнего. Понятие упреждающего синтеза (опережающего отражения), который Н. И. Жинкин рассматривал как важнейший механизм речи, хорошо согласуется с представлением о восприятии текста как создании реципиентом интерпретирующего текста» [11, с. 28]. Результаты экспериментальных исследований свидетельствуют о сложных процессах декодирования текста: процессах, обеспечивающих расшифровку воспринимаемых языковых кодов и процессах расшифровки того глубинного смысла, который извлекается из текста в результате интерпретации всех составляющих.

Характерные тенденции последних десятилетий свидетельствуют о стремлении современного человека к сокращению текстового пространства при сохранении информационного поля (а иногда даже при ее увеличении). Сокращение текстового пространства создается при помощи включения в текст дополнительных семиотических знаков и средств, которые выполняют разнообразные функции в организации и формировании смысла, служат средством воздействия на читателя, а иногда заключают в себе больше информации, чем используемые в тексте слова.

Основными функциями метаграфемы следует признать ее участие в коммуникативно-динамической организации печатного текста, в оптимальном распределении информации и формировании «плоскостной синтагматики текста», в «моделировании» устной речи в сфере письменной коммуникации [14].

Яркой приметой современных текстов является использование таких метаграфических средств, которые формируют (наряду с вербальными средствами) его содержательный и прагматический аспекты и выступают в качестве маркеров, по которым идентифицируется тип текста. Рациональное использование метаграфических средств делает письменный текст более мотивированным и прагматически выразительным. Это весьма существенно для научных текстов, поскольку именно такие тексты создаются с целью обязательной интерпретации и адекватного понимания. А если принять за исходное положение о том, что при интерпретации каждый читатель может «создать» свой текст, дополнив его своим опытом и знаниями, реконструировав его в соответствии со своими установками, то требования к оформлению текста любой жанрово-стилистической принадлежности повышаются. Получатель (он же и интерпретатор) может менять свой ключ понимания по ходу чтения. На вариативность понимания влияют многие факторы, в том числе и графическое оформление текста (ср., например, особенность восприятия и понимания текста, который напечатан мелким шрифтом: так печатаются, например, сноски).

В приведенном ниже тексте используются информационно значимые компоненты, а также метаэлементы, «информирующие» о том, как нужно читать текст. В текст введены разные виды супраграфических средств, что, несомненно, влияет на процесс декодирования.

Даже те возможные миры, которые создаются благодаря обнаружению новых смыслов у слов, в игре с их сочетаемостью, дают возможность человеку проявить и соотнести свою волю с бытием, возникают в своеобразном волевом усилии («Включаясь... в движение словесных машин, прекращая их обезличенную работу, пребывая в движении освобождающейся силы слов, человек осознает себя участником поворота слова, рождения нового смысла» [Яфаров, 1994, 7]). Возможно, именно такое «волевое безволие», привнося в мир момент игры (не случайна идея, по которой современное зло можно победить «лишь насмешливым мальчишеством» (Р. Виктук, см. [Сегодня 1993. № 95]) – как бы несерьезным, намеренно неволевым отношением к миру, которое, однако, может оказываться более результативным, чем если бы было подчеркнуто волевым), уменьшает опасность (если опасность) радикального единообразия мира. У Дегрида (vs. Бахтин): «Télé – sans telos. Finalité sans fin? Finalité sans fin, la beauté du diable...» [Derrida, 1992, 363]*.

Такое единообразие порождается дохождением человеческой субъективности до почти максимальной степени развития («Субъективный эгоизм, для которого... Я заранее определяется как субъект, может быть сломлен сплочением многих Я в МЫ.

Существенную роль в организации информативного поля текста играют коммуникативные фокусы, которые маркируются при помощи особых супраграфических (супраграфематических) средств. Современное графическое оформление свидетельствует об активном использовании таких параграфических средств, как вертикальный и горизонтальный пробелы, разрядка, разные типы скобок, символика, шрифтовые варианты формирования строки, надстрочные знаки и т. п. Характерно применение разных способов написания вербальных знаков. Внимание исследователей к описанию супраграфических средств обусловлено активным развитием у них новых функциональных назначений в печатных текстах [2].

Использование нерегламентированных метаграфических средств, казалось бы, должно значительно осложнить понимание текста. «Стихийно» возникающие невербальные знаки и средства в тексте создают «неустойчивую» ситуацию в передаче информации. В то же время в рамках конкретного текста происходит некая самоорганизация вербальных и невербальных средств, что делает текст семиотической системой с упорядоченными элементами и компонентами. Понимание между коммуникантами обеспечивается общностью языка и таким свойством знака, как соотнесение с ситуацией, контекстом и с другими знаками. Стихийное появление знака в практике употребления как бы заложено в речемыслительной деятельности.

Можно предположить, что *новые знания и новые способы* их представления потребовали *новых средств* для передачи и получения информации. Вместе с тем язык в его конкретном использовании сохраняет «необходимую гибкость, позволяющую «подавлять» в процессе коммуникации его же собственную инертность требующим выражения смыслом» [6, с. 300].

Автор, создавая текст, должен предусмотреть систему его защиты от непонимания. В задачи автора входит не только оформление и передача информации, но и создание *коммуникативной комфортности* при восприятии текста. Для этого нужно найти оптимальное соотношение вербальных и невербальных компонентов.

Употребляемые в тексте метаграфические знаки информативны (*они являются важнейшим источником информации*), а поэтому они не могут быть заменены вербальными средствами без потери смысла. Вместе с тем установлено, что далеко не все метаграфемы способствуют успешной коммуникации. Как показал эксперимент, немотивированное использование метаграфем ведет к усложнению языкового механизма, к искажению передаваемой информации и, как следствие, к непониманию.

Признавая очень тонкую грань между пониманием и непониманием, отметим, что формирование такой инструментальной системы в организации письменного текста, как

метаграфемика, обусловлено объективными законами развития языка и речи.

Метаграфемы участвуют в создании компрессии текста, понимаемой как проявление действия экономии функционирования языка, приводящее к возникновению сжатых языковых единиц и уменьшению объема текста. Компрессия текста – один из способов свертывания информации. Не вызывает сомнения тот факт, что средства, создающие компрессию (как структурную, так и семантическую), как правило, ускоряют и облегчают коммуникацию. Однако нужно различать такие понятия, как *компрессия текста* («сжатие» текста до пределов минимальной избыточности, необходимой для понимания) и редуцирования (сокращения, уменьшения в размерах) *информации*. Если редуцирование информации обуславливает и компрессию текста, то процесс компрессии текста может и не повлиять на информативную насыщенность текста.

В лингвистике принято различать разные виды компрессии текста. С одной стороны, можно преобразовать первичный текст во вторичный, в результате чего сокращается сам текст, а также уменьшается информация в тексте. В данном случае компрессия текста должна соотноситься с редуцированием информации, что предполагает ее потерю при восприятии. С другой стороны, можно сократить информацию для получателя, который извлекает как эксплицитную, так и имплицитную информацию с опорой на свои знания и опыт. Компрессия текста и редуцирование информации не приводит к существенным потерям ее насыщенности. Основным средством такого рода компрессии является введение в текст метаграфем, участвующих в расширении коммуникативного пространства. «Коммуникативное пространство <...> представляет собой как бы готовую «сцену», с декорациями и освещением, на которой разыгрывается переживаемое в данный момент смысловое действие» [3, с. 297].

И Гумилева – расстреляли! – Николай Степанович покойник теперь! – и Горький не всегда, стало быть (А. Ремизов. Взвихренная Русь).

Компрессия текста может быть и не связана с потерей информации, поскольку она пред-

полагает употребление специальных единиц семиотического кода. В качестве особого кода компрессии текста (текстового пространства) используется метаграфемика. Метаграфические знаки в русском тексте используются как своеобразные сигналы свертывания и развертывания текста на информационном уровне. Этим обусловлено употребление метаграфических средств для репрезентации внутренней речи.

<...> я прозреваю ход событий, она как мать-одиночка многодетная будет пользоваться благами детсада, тюрьмы для своих детей, их раздать и идти работать, все

все будет нормально!
все!
все!

но как он там будет спать один, а, как мать твоя спит одна, не будем думать, почти семь лет стоп так, на голову платок шерстяной, а платок в вещах Тимочки, ему нужен при ушных болезнях клетчатый довольно приличный, ага, но он весь в желтых пятнах, это камфорное масло и нельзя выносить на Божий свет.—Ничего я не беру ничего не роюсь Аленочка но ведь бабушке надо что-то на голову старая голова это же тебе не жиринки черепок и кожаца.

поняла, волос почти нет!
нигде!

нигде ничего нет, так, так я придумала <...>
(Л. Петрушевская. Время ночь).

Анализ исследований, посвященных метаграфической системе европейских языков, свидетельствует не столько об общих тенденциях в развитии такого рода семиологических систем, сколько о специфике каждой из них, которая обусловлена спецификой национального сознания и языка. Специфика русской метаграфемики заключается в использовании ее как особого информационного канала и как особого текстообразующего средства.

Таким образом, метаграфические знаки, входя в состав единой целостной структуры — текст, оказываются связанными сложной системой смысловых соотношений. Именно поэтому в тексте практически невозможна перестановка элементов или их замена без изменения информационного объема, коммуникативно-прагматических задач. Свобода выбора метаграфических знаков и их комбинаций в тексте относительна уже и потому,

что она обусловлена самим текстом. Все это делает метаграфические знаки, используемые в конкретном тексте, структурно и коммуникативно равноправными. Чем сложнее такая структура, тем выше информативность текста. Парадоксально, что сокращение сокращения вербальных элементов и увеличения невербальных может существенно увеличить информационное поле.

Да что вы, Алексей Васильевич!.. Ведь это такие неразумные мерзавцы. Это же совершенно дикие звери. Ладно. Немцы им покажут.

Немцы!!

Немцы!!

И повсюду:

Немцы!!!

Немцы!!

Ладно: тут немцы, а там, за далеким кордоном, где сизые леса, большевики. Только две силы (А. Солженицын. Август Четырнадцатого).

Вертикальное структурирование информационного поля текста поддерживается метаграфическим оформлением текста. Интересен, например, художественный прием использования «двойного тире» как заместителя текста (см., например, произведения Е. Замятина). Своеобразный обрыв коммуникации является стимулом для приведения в движение «бесчисленных ассоциативных, интеллектуальных, эмоциональных педалей. Из этого движения возникает то бесконечно сложное, не поддающееся полному учету целое, которое субъект ощущает как «смысл» полученного сообщения» [3, с. 286].

Ответить он не успел; сверху — по ступеням — топот — —

Земля раскрывает свои недра все шире — еще — всю себя — чтобы зачать, чтобы в багровом свете — новые, огненные существа, и потом в белом теплом тумане — еще новые, цветоподобные, только тонким стеблем привязанные к новой Земле, а когда созревают эти человечьи цветы — —

О чем она? Я замахнулся — (Е. Замятин. Мы).

Вхождение знака в текст предполагает вхождение его в систему коммуникации. Значение знака у каждого реципиента может развиваться при каждом повторном обращении к тексту. Однако процесс формирования новых функциональных назначений знака «контро-

лируется», с одной стороны, действующими нормами, а с другой – «языковым сознанием» говорящих/пишущих, что позволяет обеспечить коммуникативную комфортность.

Именно метаграфические знаки, создающие разные конфигурации текста, «приспосабливают» его к конкретной коммуникативной ситуации и возможностям адресата.

Весьма примечательным является тот факт, что текст определенным образом организован для того, чтобы привлечь к себе внимание читателя. Как известно, внимание может иметь *произвольную или произвольную направленность*. Произвольное внимание требует определенного напряжения, связанного с тем, что читатель сознательно выбирает необходимую информацию. Наличие определенного стереотипа при чтении стандартного текста (с точки зрения графического оформления) облегчает восприятие текста. Использование специальных способов коммуникативно-динамического членения информации в тексте обуславливает быструю «пропускную способность» информации. Но такого рода стандарты подачи текста менее действенны с прагматической точки зрения, поскольку ориентированы на произвольное внимание.

Таким образом, изменение пространственного оформления текста обусловило формирование новых инструментальных средств передачи информации в печатном тексте. Текст, в котором используется особая система метаграфических (и шире – параграфических)

знаков, представляет собой в определенном смысле закрытую систему, что не противоречит его динамическому состоянию.

Выделение как особого объекта исследования метаграфемы обусловлено новыми условиями функционирования невербальной семиотической системы текста, в которую включены знаки «от автора», включенные в информативно-целевую программу отправителя, и знаки «для читателя», входящие в информативно-познавательную программу реципиента. В информативно-целевую программу отправителя входят текстовые *организующие метаграфемы*, участвующие в коммуникативно-динамическом членении текста и организации информационного пространства текста, *актуализирующие метаграфемы*, участвующие в актуализации наиболее значимых в коммуникативно-смысловом отношении компонентов. В информативно-познавательную программу реципиента включаются текстовые метаграфемы, *участвующие в создании диалогового режима коммуникации*.

Метаграфемы следует расценивать не только как дополнительный источник информации, но и инструмент создания коммуникативной стратегии текста. Наиболее характерной функцией средств параграфемы является участие в оптимальном распределении информации в тексте. Метаграфические знаки в русском печатном тексте используются как своеобразные сигналы свертывания и развертывания информационного поля.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Возможные миры, возникающие в развертывании пространств бытия – языка, далеко не всегда обладают «экстатически безумной» природой (у Г. Миллера: «Человек, подносящий бутылку со святой водой к губам; преступник, выставленный на обозрение на базаре; доверчивый простак, обнаруживший, что все трупы воюют; сумасшедший, танцующий с молнией в руке; священник, поднимающий ряску, чтобы нассать на мир; фанатик, громящий библиотеки в поисках Слова, – все они соединились во мне, от них моя путаница, мой экстаз» ([Миллер, 1994, 145]). Выражаясь в духе Р. Барта, игру с возможными мирами не стоит принимать слишком всерьез, – это позволяет ощутить своего рода метафизическое «веселье бытия» (пусть даже «l'horrible gaieté des bourgeois» [Deleuze, 1986, 31]).

В сферу такого веселья-игры, отчасти даже рационализованного, входит и «безумие в речи»: «Душевная болезнь не существует, потому что симптом – это неиссякаемый ресурс в речи и «вдоль пути», скорее чем признак болезни. Психотическая речь существует в качестве неудавшегося отрицания объекта» [Вердильоне, 1993, 52] / Руденко Д. И. и др. Философия языка: путь к новой эпистеме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ажеж Клод*. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М., 2003. 304 с.
2. *Баранов А. Н., Паришин П. Б.* Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемии // Проблемы эффективности речевой коммуникации: сб. научно-аналитических обзоров. М., 1990. С. 41–115.
3. *Гаспаров Б. М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
4. *Гийом Гюстав*. Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992. 224 с.
5. *Дейк Т. А. ван*. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
6. *Кибрик А. Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке). М.: Изд-во МГУ, 1992. 336 с.
7. *Крейдлин Г. Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 584 с.
8. *Кубрякова Е. С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. М., 1995. С. 144–238.
9. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 2003. 605 с.
10. *Кузьменко О. Д.* Стратегии и тактики чтения и категории чтецов // Смысловое восприятие речевого сообщения. М.: Наука, 1976. С. 204–210.
11. *Мурзин Л. Н., Штерн А. С.* Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 172 с.
12. *Плотников Б. А.* Семиотика текста: Параграфемика: учеб. пособие. Минск, 1992. 190 с.
13. *Чейф У. Л.* Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. 432 с.
14. *Шубина Н. Л.* Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского языка. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. 298 с.
15. *Шубина Н. Л., Антошинцева М. А.* Вспомогательные семиотические системы в устной и письменной коммуникации: монография. СПб.: ПетроПресс, 2005. 291 с.